

Толкачева Светлана Викторовна

ТЕРМИНОЛОГИЯ ЧИНОВ ПАРТИИ ЖЕНИХА В СВАДЕБНЫХ ОБРЯДАХ РУССКИХ ЖИТЕЛЕЙ УДМУРТИИ

В статье рассмотрены названия чинов партии жениха в традиционных свадебных обрядах русских жителей Удмуртии. Особое внимание сосредоточено на анализе номинаций "сваха", "дружка", "рушальник", "вежливич", "приговорщик", "повозник". Обозначены различия в названиях свадебных чинов в двух крупнейших этнокультурных ареалах Удмуртии - северном и южном. Выявлен ряд сходных процессов в оформлении духовной и материальной традиционной культуры у русского этноса и у финно-угорских народов. Раскрыты некоторые факторы, способствующие взаимовлиянию удмуртского и русского фольклора.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/3-3/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. III. С. 162-167. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

на уровне значений. Особенно это характерно для семантических дериватов. Ср.: *Льняной вихорок выглянул из-под беретай* [2, с. 29] – *Jasny kosmyk wymknął się spod beretu* [8, s. 13]. *Льняной* в переносном значении – не только , имеющий цвет льна, но и , светлый. В польском литературном языке выражение *lniane włosy* может быть употреблено лишь по отношению к ребёнку [1, с. 103]. Этим объясняется употребление в польском переводе лексемы *jasny* (светлый). Фрагмент контекста «*русые головки девочек*» [2, с. 81] переведён как *kasztanowate główki dziewcząt* [8, s. 44]. Дело в том, что в русском и польском языках адъективы *русый – rusy, jasny, каштановый – kasztanowaty* обладают общей семантикой: , светло-коричневый, цвета каштана. В польском прилагательное *rusy* также есть, но переводчик выбрал *kasztanowaty* = цвета каштана, так как в польском суффикс *-owat-* не служит для выражения модификационных значений.

Иные результаты могут быть получены при сопоставлении отсубстантивных прилагательных, производящей базой которых являются другие тематические группы существительных.

В целом последовательная реализация нескольких подходов в рамках сопоставительного изучения отсубстантивных прилагательных позволяет в достаточной мере выявить не только их значительное сходство, но и своеобразие как в деривационном плане, так и функциональном.

Список литературы

1. **Кульпина В. Г.** Лингвистика цвета: термины цвета в русском и польском языках. М.: Московский лицей, 2001. 470 с.
2. **Лидин В. Г.** Отражение звёзд. М.: Советский писатель, 1978. 384 с.
3. **Мирович А., Дулевич И., Грек-Пабис И., Марыняк И.** Большой русско-польский словарь: в 2-х т. М. – Варшава: Русский язык; Ведза Повшехна, 1986-1987. Т. 1. 864 с.
4. **Мирович А., Дулевич И., Грек-Пабис И., Марыняк И.** Большой русско-польский словарь: в 2-х т. М. – Варшава: Русский язык; Ведза Повшехна, 1986-1987. Т. 2. 800 с.
5. **Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков** / под ред. А. Г. Широковой. М.: Изд-во МГУ, 1998. 326 с.
6. **Balalykina E., Bartoszewicz A., Nikolaew G.** Słownictwo rosyjskie dla Polaków. Warszawa: PWN, 1990. 192 s.
7. **Grzegorzczkova R.** Zarys słownictwa polskiego. Słownictwo opisowe. Warszawa: PWN, 1991. 96 s.
8. **Lidin W.** Kluczyk i inne opowiadania. Kraków: Wydawnictwo literackie, 1983. 275 s.
9. **Słownik języka polskiego** / pod red. M. Szymczaka: w 3 t. Warszawa: PWN, 1982. Т. 1. 1103 s.

ASPECTS OF COMPARATIVE STUDY OF SUBSTANTIVAL ADJECTIVES

Timofeeva Lyudmila Ivanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Mari State University
ludmila_tim52@mail.ru

The article considers the general principles of a comparative study of substantival adjectives. By the analysis of the Russian and Polish phytonymal adjectives the author substantiates the necessity of consistent use of different approaches in order to identify interlanguage correlations at the system and functional levels.

Key words and phrases: phytonymal adjective; prospective approach; functional approach; equivalence; *tertium comparationis* (basis for comparison).

УДК 398.8(470.51)

Филологические науки

В статье рассмотрены названия чинов партии жениха в традиционных свадебных обрядах русских жителей Удмуртии. Особое внимание сосредоточено на анализе номинаций «сваха», «дружка», «рушальник», «вежливич», «приговорщик», «повозник». Обозначены различия в названиях свадебных чинов в двух крупнейших этнокультурных ареалах Удмуртии – северном и южном. Выявлен ряд сходных процессов в оформлении духовной и материальной традиционной культуры у русского этноса и у финно-угорских народов. Раскрыты некоторые факторы, способствующие взаимовлиянию удмуртского и русского фольклора.

Ключевые слова и фразы: русский свадебный фольклор Удмуртии; традиционный свадебный обряд; названия (номинации) свадебных чинов родственников жениха; дружка; вежливич; приговорщик; рушальник; вершник.

Толкачева Светлана Викторовна, к. филол. н.

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
svetlana-tolk@mail.ru

ТЕРМИНОЛОГИЯ ЧИНОВ ПАРТИИ ЖЕНИХА В СВАДЕБНЫХ ОБРЯДАХ РУССКИХ ЖИТЕЛЕЙ УДМУРТИИ©

В традиционных русских обрядах Удмуртии наименования (чины) жениха и представителей его партии (М-партии¹) – родных, друзей, знакомых – обладают определенной спецификой. В бытовании свадебных

© Толкачева С. В., 2015

¹ Вслед за разработанной А. К. Байбуриным и Г. А. Левинтоном системой этнографической оппозиций в восточнославянском традиционном свадебном обряде, окружение (локус) жениха в данной статье обозначено как М-партия [2, с. 89-90].

обрядов русских жителей Удмуртии существенную роль играет их принадлежность к определённым этнокультурному ареалу обозначенного региона¹. В связи с этим при возникающих различиях в составе свадебных чинов в данной статье указывается их приближенность к наиболее крупным этнокультурным ареалам современной Удмуртии – к северному (далее СЭА) или к южному этнокультурному ареалу (далее ЮЭА). Многие свадебные чины по функциональному наполнению и семантике могут найти параллели в поэтической характеристике жениха и его представителей.

Большинство номинаций членов М-партии группируются вокруг нескольких сфер, прежде всего по функциональным и социальным критериям. Название свадебного обряда и/или ритуальное поведение его участников оказались запечатлёнными в таких номинациях, как сваха, *свалебжане*²/*свалебзики*/*свалебжана*, *поезжане*/*поезжанины*/*поезжаны*, *повозник*, *рушальник*, *навершине*. Все гости со стороны жениха, за исключением свахи, были мужчины. Знаменательно, что самый первый свадебный чин всегда , присваивался женщине – свахе, т.е. крестной/тёте жениха, иногда более дальней по роду уважаемой женщине. Зачастую сваха не состояла в родстве ни с женихом, ни с невестой. В обязанности такой свахи вменялось владение максимально точной информацией о невесте и её родне (социальном и финансовом положении, физическом и психическом здоровье, особенностях характера), бойкость в умении добиться согласия родителей невесты на брак, спорность в выполнении свадебных ритуалов. Опытная сваха могла высватать какую угодно невесту за любого жениха. В северных районах Удмуртии в беседах с жителями-старообрядцами достаточно часто встречаются рассказы о том, как молодая жена узнавала о тяжёлых болезнях своего мужа уже только после проведённого ритуала бракосочетания. Подобные рассказы свидетельствуют о хорошо развитом институте свах в обозначенном регионе.

Согласно , Этимологическому словарю русского языка М. Фасмера, слово , сваха» является производным от , сватѣ. В праславянских языках , сватѣ – это , гостѣ, , чужакѣ, , сам по себе [19, с. 570]. А. Г. Преображенский объясняет этимологию данного слова исходя из понятий , свойѣ, , другѣ, , родственникѣ [8, с. 255-256]. Акцентуация ведущих учёных на различных моментах в происхождении номинации , сваха может свидетельствовать о двойственной сути её ритуальной деятельности. Сваха – единственная представительница женского пола в имманентно мужской и по составу, и по функциям М-партии. Изначально она , незнакомка» для родственников невесты, но одновременно должна суметь стать для них , своей, договориться, познать и сблизить два прежде чуждых рода.

Термины, которыми , обобщённой именуется вся родня жениха – *свалебзики*, *свалебжана*, *свадебчана*, *свадебники* (СЭА), также производны от названия свадебного обряда и основаны на смысловой единице *сва*. Другое, аналогичное *свалебзикам*, обозначение родственников жениха – *поезжана*/*поезжане*/*поезжанины* – происходит от выражения , свадебный поезд». В названиях этих чинов чётко прослеживаются основная функция членов М-партии – перевоз невесты в дом жениха, а также одно из ведущих социально-психологических качеств их , сообщества» – монолитность, несокрушимость (подробнее о кинестетической составляющей в русских свадебных обрядах Удмуртии см. [12, с. 27-30; 17]). В некоторых других номинациях , путь-дорога» родственников и друзей жениха вербально оформлена сходным образом. Например, один из способов передвижения – верхом на лошадях – отражён в терминах *верховые*/*вершники*/*навершине* (СЭА).

Генеральная задача М-партии – перемещение невесты в дом жениха, и производные от неё качества жениха и его родни – подвижность, активность, медиативность, , стихийность – становятся ведущими темами в русском свадебном песенном фольклоре Удмуртии. Чаще всего это подчёркивается обращением к символике коня – основному средству передвижения поезжан, и к названиям птиц, связанных с коллективным (, стайным) началом М-партии [16, с. 197].

Номинации *повозник*, *рушальник*, *приговорщик* содержат указание на конкретные, производимые в процессе обряда действия. В названиях *рушальник* и *повозник* непосредственно отображается кинестетическая составляющая свадебного обряда. Чин *повозник* бытует в ЮЭА, это извозчик, кучер, наблюдающий за свадебным поездом: транспортным составом, упряжью, внешним видом, украшением, рассаживанием гостей. Название *повозник* производно от слов , повозка, , возить и т.д. Внимание *рушальника* (СЭА) обращено на разрезание еды за свадебным столом – рыбных пирогов, хлеба и т.д. Этимологически название чина *рушальник* происходит от лексемы , рушить. В словаре В. И. Даля приведено значение термина , рушати, соотносимое с пищей, как , делить, , резать, , кроить». Уже без отсылки к еде, слова , рушати, , рушатель, , рухомый, , рухати означают , разрушати, , нарушати, , уничтожати, , разрушитель, , подвижный, , трогати [5, с. 115-116]. Принадлежность *рушальника* к составу именно М-партии подчёркивает маневренность, инициативность, активность гостей со стороны жениха. Наличие данного чина в обряде акцентирует также инициационную направленность свадьбы: прекращение прежней холостяцкой, привольной жизни жениха и невесты и переход молодых в новое качественное состояние мужа и жены.

Приговорщик – чин в СЭА, имеющий непосредственное отношение к процессу проведения ритуалов в первый и второй дни свадьбы³ за праздничным столом. *Приговорщик призывает ко столу / пригаркиват к рюкам*, т.е. во время обряда , дарения даров совместно со свахой поочерёдно приглашает гостей выходить к особому

¹ Подробнее о этнокультурных ареалах современной Удмуртии см. [12, с. 10-11].

² Курсивом выделены диалектные слова и выражения, жирным шрифтом – ударения в них.

³ В ЮЭА Удмуртии прочно укрепился обряд венчания. В СЭА в связи с конфессиональными установками населения, преимущественно старообрядческой веры, венчание могло происходить только в некоторых локальных традициях. День, когда жених увозил невесту к себе домой, считался днём бракосочетания. Вслед за информантами, в данной статье он обозначается как , день свадьбы [18, с. 19].

месту возле стола и выпивать пиво или брагу. В благодарность за угощение гость должен положить деньги на поднос и принять от молодых подарок [11, с. 187]. *Приговорщиком* может быть как особый человек, так и , по совмещению *тысячка* или *дружка*, обязанности которых при выполнении этих действий расширяются. В ЮЭА аналогичные ритуальные действия *приговорщика* исполняет *дружка*. Необходимо отметить, что повсеместно на территории современной Удмуртии термин , *приговорщик* служит эпитетом *дружки*, поскольку одной из его важнейших функций является декламация *приговорок*. *Приговорки* – короткие или развёрнутые тексты, произносимые в строго отведённых для этого свадебных эпизодах только *дружкой/приговорщиком* в особой, близкой к стихотворной, манере. Они имели сакральное значение, их звучание всегда завораживало и приводило в восхищение присутствующих гостей [Там же, с. 184]. До сих пор у многих информантов одним из самых ярких впечатлений от , старинной традиции свадьбы остаются именно *приговорки дружки*: , Ох, девки, дружка-то как разговариват! Больно уж интересно рассказывать! [20, с. 7].

Номинации М-партии, примыкающие к социальной сфере, могут отражать родственные или дружеские взаимосвязи (*дружки, подружья*), указывать на возрастной статус (старший, младший), профессиональное или служебно-административное положение (*бояре, тысяцкий*). Наименования чинов , боярин и , тысяцкий восходят к древнерусским военно-административным должностям. Боярин – стоящий у власти представитель высшего сословия, уникальная по своему статусу личность. Тысяцкий – военачальник, распорядитель, должностное лицо княжеской администрации. Участие данных терминов в номинации чинов родственников жениха свидетельствует о древности славянских корней крестьянской свадьбы и сходстве традиционной русской свадебной обрядности у представителей всех социальных сословий. *Бояре* – совокупное название родственников жениха среднего или пожилого возраста. Чин боярина всегда присутствовал в обрядах ЮЭА, тогда как в СЭА он мог и не встречаться. Если среди *бояр* назначался *большой боярин*, наиболее уважаемый в родне женатый мужчина, тогда все остальные *бояре* назывались *малыми*.

Тысяцкий и *дружка* – два центральных чина М-партии. Их обязанности значительно варьировались в зависимости от локальных традиций. *Тысяцкий* (в СЭА *тысячкой, тысячка*) – дядя или крёстный жениха, самый почитаемый мужчина в родне, глава свадебного поезда, распорядитель всех ритуалов 1-го и последующих дней свадьбы, *хранитель* свадьбы. Во многих локальных традициях ЮЭА, по выражению информантов, он , ничего не делает и его обязанность – просто присутствовать на свадьбе.

Дружка – представитель и первый помощник жениха. *Дружки, подружья* – друзья жениха, родные и двоюродные братья, чаще холостые и молодые. Среди *дружек* мог выбираться *старший дружка*. В этом случае остальные *дружки* становились *младшими*. В. И. Далем, помимо объяснения собственно свадебного чина, приводятся другие диалектные значения слова , дружка – , пара, , чета, , другой я, , два, , молодой женатый парень [4, с. 496]. А. Г. Преображенский раскрывает этимологию слова , друг через индоевропейское , быть готовым, крепким, германское , выдерживать, действовать, добиваться [7, с. 197-198]. Исходя из этимологии этой номинации и опираясь на полевые экспедиционные материалы, можно предположить, что одна из ролей *дружки* – как бы , отражение, , второе я жениха, который в течение свадебного обряда находится в , переходном, , лиминальном состоянии. *Дружка* активно помогает жениху совершить , перерождение, осуществить переход в , новой качество, поскольку одновременно является ипостасью, второй половиной жениха и в то же время обладает всей полнотой действий в реальном, социальном мире. В ЮЭА *дружки* сопровождали жениха в поездках к невесте до свадьбы, привозили ей и её подругам угощения. В этом же ареале существовал обычай, когда родственники жениха и невесты, односельчане приходили в дом невесты на *песни: швей-подруги* невесты угощали гостей и пели им величания [15, с. 106]. Информанты, проговаривая об этих ситуациях, обычно употребляют слова , друзья жениха, , товарищи [10, с. 38]. Э. А. Тамаркиной указывается, что жених посещал невесту *в день гостинцев*¹ , с дружками [14, с. 106]. Таким образом, обнаружено, своеобразное , оглашение чина , дружка в ЮЭА происходило ещё до дня свадьбы. В СЭА *дружки* становились вестниками, извещающими о прибытии жениха, в начале свадебного дня. Они приезжали к невесте на конях, предвывая появление свадебного поезда.

Вежливич – свадебный чин, помогающий , правильно совершать обряд в день свадьбы [13, с. 42]. Название *вежливич* на первый взгляд кажется производным от слова , вежливый, т.е. , учтивый, , обходительный. Однако этимологически данный термин оказывается более сложным. Отражая мифологическое мировосприятие, он координируется с древнейшими этнокультурными – историческими, лингвистическими – процессами. Чин *вежливич* встречается , точной, в СЭА современной Удмуртии, в деревнях, пограничных с Кировской областью. В. И. Далем объясняется распространённый в Пермской губернии и в Сибири сходный по названию и по функции чин *въжливец*: . Почётное название колдуна, знахаря, который на всех свадьбах занимает первое место, оберегает свадьбу, особенно молодых, от порчи и распоряжается всем; он бывает нестерпимо груб и сидит за столом в шапке² [4, с. 330]. Из данного определения В. И. Даля выделим несколько важных для нас характерных черт этого свадебного чина:

1. номинация *въжливец* , почётная;
2. *въжливец* – , знающий, т.е. колдун, сакраментальная личность;

¹ Обычай посещения невесты женихом, его друзьями, иногда родственниками с целями уточнения некоторых хозяйственных вопросов относительно предстоящей свадьбы, более близкого знакомства, установления тесных дружеских контактов [18, с. 19].

² Цитата приводится в современной орфографии.

3. основная его функция – оберег молодых;
4. ведущая эмоция – грубость;
5. яркая деталь одежды – социально и ритуально значимая – шапка.

Термин *въжливец* приводится в словаре как лексический вариант слова , вежаѿ. По глубинному смыслу со свадебным чином сходны и некоторые другие значения слова , вежаѿ [Там же]:

1. знающий, сведущий;
2. шатёр, палатка, башня;
3. межа, грань, рубеж;
4. лопарский шалаш.

Можно предположить, что три первые вышеперечисленные понятия , вежаѿ и номинация *вежливич*, кроме морфологического, звукового и семантического сходства, обладают ещё и функциональной общностью. Первое значение *вежи* – , знающийѿ – непосредственно коррелирует с магической и главенствующей ролями *вежливича* в обряде. Подобие чина *вежливич* и *вежи* в словарном значении , шатёрѿ, , палаткаѿ, , башняѿ больше семантическое, ассоциативное и согласуется на уровне назначения и формы. Перечисленные укрытия, жилища, строения имеют округлую возвышающуюся форму. *Вежливич*, в свою очередь, защищает как людей – молодых и присутствующих гостей, так и саму процессуальность, протекание свадебного ритуала от любого негативного воздействия. Таким образом он, оберегая, как бы , держит под колпакомѿ, , прикрываетѿ свадьбу на духовном уровне от сглаза, порчи, других колдунов и т.д. В связи с этим знаменательным совпадением, на наш взгляд, становится присутствие *въжливца* на свадьбе в головном уборе, одном из важнейших в традиционном костюме деталей одежды. Броскость, яркость данного факта, привлекающего к себе повышенное внимание, является материальным подтверждением высокого статуса колдуна на свадьбе, своеобразного , владычестваѿ в области контактов людей с иным миром. Третье значение *вежи* – межа, грань, рубеж – также имеет аналогии с *вежливичем*. Духовное верховенство *вежливича* в обряде указывает на его пограничное положение в обществе: двойное, рубежное, максимально приближенное к потустороннему миру. Поскольку он владеет информацией, недоступной обычным людям, то позиционируется социумом как представитель и мира человеческого, так и мира иного.

Вежа в смысле , лопарский шалашѿ отсылает к финно-угорской культуре: лопари – саамы, коренной финно-угорский народ Северной Европы. Ведущие исследователи удмуртского фольклора Т. Г. Владыкина и А. А. Арзамазов выявляют , глубинные межэтнические связи и взаимодействияѿ, , высвечивающиеся в общепермской лексеме *веж/вож* [1, с. 127]. Т. Г. Владыкина указывает на семантическую близость древнерусского слова , вежаѿ и слов , ...вож/веж/вожо в удмуртском и коми языках, где они обозначают духов воды, духов переходного времени, в частности, зимних и летних святых...ѿ [3, с. 29].

А. А. Арзамазов, исследуя герменевтику лексем *ѳуж-вож* в удмуртском фольклоре, сделал блестящие открытия культурологического плана, которые вслед за Т. Г. Владыкиной помогают понять сходные явления в русской традиционной культуре: , По аналогии с народными представлениями в “текстах” фольклорного дублета “ѳуж-вож” запечатляется эмоциональная сторона этнокультурного отношения к потустороннему, предопределяющему знаковые моменты и ключевые повороты человеческой жизни... От общепермского *vez* в удмуртском и коми тезаурусах развивается концепт злобы, ненависти, зависти...ѿ [1, с. 126-127]. Интересные сведения о двойственном эмоциональном отношении удмуртов к пению соловья, подчёркиваемому эпитетом , ѳужѿ, т.е. жёлтый, приведены И. В. Пчеловодовой. Красивые и звонкие трели могут олицетворять тяжёлое душевное состояние человека, связанное с разлукой с отчим домом, быстротечно прошедшую молодость, а также сравниваются с плачем, с жалобой, с предельным напряжением жизненных сил [9, с. 152-153].

Таким образом, разработанный Т. Г. Владыкиной и А. А. Арзамазовым в удмуртском фольклоре семантический ряд лексемы *веж/вож* в народной традиции Русского Севера продолжает подчёркиваемая В. И. Далем в облике *вежливича*, нестерпимая грубостьѿ. В наименовании *вежливич* оказалась генетически сохранённой отмеченная А. А. Арзамазовым архаическая глубина чувственного переживания народом поворотных ситуаций как опасных. Номинация *вежливич* выступает маркером особого эмоционального настроя ритуальной церемонии. На свадьбе грубость антагонистична всеобщей радости от создания новой семьи, приподнятому настроению. Вероятнее всего, , необычноѿ для свадебного пира поведение напоминало гостям как о важности самого свадебного ритуала, так и о сакраментальной значимости присутствия колдуна. Многоплановость, неоднозначность *вежливича*, его , священностьѿ и изменность, внешняя броскость и огромная внутренняя сила, находят соответствия в традиционной финно-угорской культуре, что даёт повод предположить об удмуртском или пермяцком происхождении знахарей на русских свадьбах.

Краткий обзор номинаций членов партии жениха в русских свадебных обрядах Удмуртии позволяет сделать некоторые предварительные выводы. Региональные названия свадебных чинов сложились под влиянием множества культурных факторов: исторических, этнических, политических, конфессиональных и других. Среди членов М-партии в традиционной обрядности русских жителей Удмуртии по особому статусу выделяются *дружка*, *тысяцкий*, *сваха*. Они , ведутѿ свадьбу, ориентируя обряд в , должноѿ русло. Количеством разнонаправленных ритуальных действий отличается *дружка*. В СЭА он может совмещать чины *приговорщика*, *вершника*, *вежливича*, *рушальника*. Локальное распространение этих номинаций только по СЭА связано с процессами мировоззренческого, исторического, конфессионального, этнического характера.

Выявленные отличия в функционировании и составе номинаций СЭА и ЮЭА обусловлены уникальными социокультурными тенденциями, происходившими на данных территориях. Во-первых, хорошая сохранность архаичных форм русской семейной обрядности в СЭА определяется конфессиональным фактором. Исторически

сложилось так, что в данной местности в последние три века русское население преимущественно придерживалось старообрядческой веры. Одна из важных позиций в системе взглядов старообрядцев – уберечься от , новых веяний – привела к сохранности мировоззрения и религиозных убеждений, и традиционной культуры. Сущностная черта СЭА – освоение этого региона русскими жителями северных и северо-западных земель России [6, с. 210-211]. Сходство номинаций свадебных чинов М-партии в русских локальных традициях Удмуртии и в северных областях России, по-видимому, отражает единые, активные ассимиляционные процессы русского и финно-угорских народов на значительной территории северной части России.

Номинации партии жениха русских свадебных обрядов Удмуртии можно объединить в четыре группы, этимологически связанные:

1) с обозначением самой свадьбы. Термины первой группы происходят от праславянского *svāī-: *сваха*, *сват*, *свалелбжанин* и т.д.;

2) с древнерусской лексикой из социальной, преимущественно военной, сферы: *тысяцкий*, *бояре*, *дружка*;

3) с ритуальными свадебными действиями: *поезжанин*, *рушалник*, *приговорщик*, *повозник*, *вершник*, *навершинный*;

4) с индоевропейской лексемой *v dia-, параллельно развернувшейся в финно-угорских и древнерусских терминах и понятиях. Семантическое и морфологическое сходство слов с лексемой *веж/вож* в нескольких языках указывает на общность протекания ряда культурных процессов в едином территориальном пространстве у разных народов, а также на тесные, дружественные этнические контакты.

Среди чинов родственников жениха доминантой на духовном аспекте выделяются номинации *приговорщик* и *вежливич*, что демонстрирует внимательное, чуткое отношение народа к вербальной составляющей свадебного обряда. В этой связи особо оттеняется термин *приговорщик*. Наличие чина *вежливич* в составе партии жениха свидетельствует о приоритетности представителей , мужской оппозиций в возможности установления контактов с иным миром с целью активного , магического влияния на благополучное создание новой семьи.

Список литературы

1. Арзамазов А. А. Из опыта герменевтической реконструкции удмуртских фольклорных единиц *чуж* и *вож* // Вестник Удмуртского университета. Серия 5: История и филология. 2008. Вып. 1. С. 117-130.
2. Байбурин А. К., Левинтон Г. А. К описанию организации пространства в восточнославянской свадьбе // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы / под ред. К. В. Чистова и Т. А. Бернштам. Л.: Наука, 1978. С. 89-106.
3. Владыкина Т. Г. О финно-угорском и славянском в исторической динамике фольклорного пространства России // Народные культуры Русского Севера. Фольклорный этнитет этноса. Выпуск 2: материалы российско-финского симпозиума (г. Архангельск, 20–21 ноября 2003 г.) / отв. ред. В. М. Гацак, Н. В. Дранникова. Архангельск: Поморский университет, 2004. С. 25-32.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: ТЕРРА, 1994. Т. 1 (А – З). 800 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: ТЕРРА, 1994. Т. 4 (Р – В). 688 с.
6. Макаров Л. Д., Иванов А. Г. Из истории Карсовайского края // Стародубцева С. В. Ох, распечальное моё сердечко (песни из репертуара Н. Е. Власовой). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. Вып. 1. Русский фольклор Удмуртии. С. 206-223.
7. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910-1914. Т. 1 (А – О). 716 с.
8. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910-1914. Т. 2 (П – С). 420 с.
9. Пчеловодова И. В. Семантика орноморфных образов в поэтических текстах удмуртских неприуроченных лирических песен // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (41). Ч. 2. С. 152-156.
10. Русский фольклор Удмуртии / сост., предисл., вступ. ст. к разделам, примеч. А. Г. Татаринцева. Ижевск: Удмуртия, 1990. 368 с.
11. Стародубцева С. В. Ох, распечальное моё сердечко (песни из репертуара Н. Е. Власовой). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. Вып. 1. Русский фольклор Удмуртии. 226 с.
12. Стародубцева С. В. Русская хороводная традиция Камско-Вятского междуречья: монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 421 с.
13. Стародубцева С. В. Русские свадебные обряды // Вестник Удмуртского университета, 1999. Вып. 3. С. 42-62.
14. Тамаркина Э. А. Реконструкция русского свадебного обряда южной части Удмуртии по современным записям // Вестник Удмуртского университета, 1995. Вып. 5. С. 103-114.
15. Толкачева С. В. Гендерная специфика обычаев одаривания в русских свадебных обрядах Удмуртии // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2011. Вып. 4. С. 99-112.
16. Толкачева С. В. Зоо- и орноморфная символика в русском свадебном песенном фольклоре Удмуртии на примере поэтического образа жениха и его партии // Наука, просвещение, искусство провинции в социокультурном пространстве: материалы Девятого королёвских чтений международной научно-практической конференции, посвященной 160-летию юбилею В. Г. Короленко. Глазов: Глазов. гос. пед. ин-т, 2013. С. 193-199.
17. Толкачева С. В. Организация пространства в русских свадебных обрядах северных районов Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. Серия 5: История и филология. 2010. Вып. 4. С. 119-123.
18. Толкачева С. В. Русский музыкальный свадебный фольклор Удмуртии: учебно-методическое пособие. Ижевск: Изд-во Удмуртский университет, 2013. 60 с.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / пер. с нем. и дополнения члена-корреспондента РАН О. Н. Трубачёва. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. Т. 3 (Муза – Сят). 832 с.
20. Шуклина Т. А. Свадьба: учебное издание / науч. ред. Т. А. Шуклина. Глазов: Глазов. гос. пед. ин-т, 2012. 96 с.

TERMINOLOGY OF THE RANKS OF BRIDEGROOM'S PARTY IN THE WEDDING RITUALS OF THE RUSSIAN RESIDENTS OF UDMURZIA

Tolkacheva Svetlana Viktorovna, Ph. D. in Philology

*Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
svetlana-tolk@mail.ru*

The article examines the names of the ranks of the bridegroom's party in the traditional wedding rituals of the Russian residents of Udmurtia. The special attention is paid to analyzing the nominations "matchmaker", "best man", "rushal'nik", "vezhlivich", "prigovorshchik", "povoznik". The paper touches on the differences in the nominations of the wedding ranks in the two biggest ethnocultural areas of Udmurtia – northern and southern. The author identifies certain similar processes in the arrangement of spiritual and material traditional culture with the Russian ethnos and Finno-Ugric people. The researcher also focuses on some factors promoting the mutual influence of the Udmurt and Russian folklore.

Key words and phrases: Russian wedding folklore of Udmurtia; traditional wedding ritual; names (nominations) of the wedding ranks of the bridegroom's relatives; best man; "vezhlivich"; "prigovorshchik"; "rushal'nik"; rider.

УДК 8;82-1/-9

Филологические науки

В статье рассматривается функционирование фантастических элементов в произведениях современной австрийской писательницы Барбары Фришмут «Мистификация Софи Зильбер», «Лунные женщины». Жанровое своеобразие данных произведений основывается на традициях классической австрийской литературы. Автор статьи дает обобщенную характеристику жанра фантастической литературы и рассматривает произведения Фришмут в данном контексте.

Ключевые слова и фразы: фантастическая литература; мистификация; фантастический жанр; австрийская литература; фантастические элементы; художественный вымысел.

Трофимова Людмила Владимировна

*Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета
tlv1981@mail.ru*

ЦАРСТВО МЕЧТЫ И ФАНТАЗИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БАРБАРЫ ФРИШМУТ©

. Географическое соседство Австрии и Германии, а также общность языка способствовали тому, что на протяжении многих лет австрийской словесности приходилось доказывать, что она не немецкая, а является самостоятельной литературой. В произведениях австрийских писателей затрагивалась проблема национальной идентичности. Послевоенное время, зарождение новой культурной политики, антипатриотизм, новый субъективизм нашли свое отражение в литературе. Однако в 80-е годы XX века повествование о собственном, яли перестали интересовать читателя.

Клаус Цайрингер в фундаментальном исследовании, посвященном вопросам идентичности австрийской литературы, пишет, что литература этого периода должна была стать занимательной в самом широком смысле этого слова [13, S. 257]. Появился спрос на фантастическое, этим объясняется тот факт, что в повествование стали вплетаться фантастические мотивы. Многие авторы обратились к старым мифам, трактуя их по-новому.

Барбара Фришмут стала одним из читаемых авторов. По признанию самой писательницы, самое большое впечатление на нее произвело еще в раннем детстве произведение . Тысяча и одна ночь, наполненное магией и волшебством [11]. Вероятно, поэтому во многих книгах, причем не только в детских, писательница уходит от реальности в мир сказки, мир чудес, превращений и мифов. Ее герои – сказочные персонажи, духи воды и земли, эльфы, феи. Но в ее книгах фантастическое, сказочное, выдуманное всегда сочетается с реальностью. В первую очередь, это касается таких произведений, как . Мистификация Софи Зильбер, . Лунные женщины (. Die Mystifikationen der Sophie Silber, 1976 г.; . Die Frau im Mond, 1982 г.). Российскому читателю книги Б. Фришмут стали известны благодаря переводам Е. Михелевич [5] и С. Шлапоберской [6].

Характеризуя австрийскую прозу конца 1970-х – начала 1990-х в целом, В. Д. Седельник отмечает, что в противовес унылым и мрачным будням Фришмут создает красочный мир, главные герои которого не бизнесмены, бюргеры, карьеристы. Ее сказочный мир – это мечты о будущем, в котором царят счастье, дружелюбие, сочувствие, любовь [3, с. 496].

Итак, Барбара Фришмут – современная австрийская писательница родилась в 1941 году в горной курортной местности (Зальцкаммергут) в семье владельца отеля Фришмут, она – профессиональный литератор, пишет книги, статьи для массмедиа, занимается переводами, является обладателем многочисленных премий в области литературы. К 2012 году свыше тридцати книг, разных по жанру, ориентированных на различные возрастные группы, были переведены на другие языки, что свидетельствует о значимости ее творчества [12].